

ЭКСПАНСИЯ ЧУДА

ПРОЗА МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

КАМЕННАЯ
ПОДСТИЛКА

Москва
2018

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Э89

Margaret Atwood
STONE MATTRESS

Copyright © 2014 by O.W. Toad, Ltd.
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Т. Боровиковой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Этвуд, Маргарет.
Э89 Каменная подстилка / Маргарет Этвуд ; [пер. с
англ. Т. Боровиковой]. — Москва : Эксмо, 2018. —
352 с.

ISBN 978-5-04-095743-9

Десять связанных между собой колдовских историй-«сказов», и каждая из них фантазмагоричнее другой. Этвуд из тех писателей, от которых не только в каждой книге – в каждом рассказе – ждешь подвоха. Гротеск и безудержная фантазия здесь прячутся за каждым углом. А постмодернистские подмигивания автора подготавливают читателя к тому, что каждая история будет иметь второе дно.

Лауреат Букеровской премии Маргарет Этвуд поражает смелыми выдумками и черным юмором со щепоткой иронии.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Т. Боровикова, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095743-9

Альфландия

Ледяной дождь сеется с неба, словно незримый свадебный гость кидает горсти сверкающего риса. Капли падают и застывают, покрывая все поверхности зернистой ледяной коркой. В свете уличных фонарей это невероятно красиво. «Как серебро эльфов», — думает Констанция. Но еще бы она подумала что-нибудь другое: она слишком падка на волшебство. Красота — иллюзия, и еще она — предупреждение: у красоты есть темная сторона, как у ядовитых бабочек. Констанции следовало бы думать об опасностях, о ловушках, о неприятностях, которые этот ледяной дождь принесет многим людям. Уже приносит, если верить телевизору.

Телевизор с плоским экраном высокого разрешения. Его купил Эван, чтобы смотреть футбол и хоккей. Констанция предпочла бы старый, со странно оранжевыми людьми и расплывчатой картинкой, что время от времени шла волнами и гасла: высокое разрешение не всему идет на пользу. Констанцию раздражают поры, морщинки, волосы в носу, ненормально отбеленные зубы, увеличенные до огромного размера, так что нельзя просто не обращать на них внимания, как делаешь в обычной жизни. Как будто тебя заставили служить зеркалом в чужой ванной комнате. Увели-

читающим. Ничего хорошего такое зеркало не покажет.

Хорошо, что дикторы, читающие прогноз погоды, стоят поодаль от камеры! Им нужно показывать на карту — широкими жестами, словно они официанты в гламурных фильмах тридцатых годов или фокусники, готовые продемонстрировать публике даму, зависшую в воздухе. Воззрите! Огромные охапки перистой белизны ползут вдоль континента! О, сколь они обширны!

Камера переходит под открытое небо. Два молодых комментатора — юноша и девушка, оба в стильных куртках с капюшонами, окружающими лица ореолом бледного меха, — горбятся под зонтами, с которых капает. Мимо медленно ползет вереница машин с лихорадочно работающими дворниками. Юноша и девушка в восторге, они восклицают, что никогда ничего подобного не видели. Конечно, не видели — слишком молоды. Затем показывают проявления катастрофы: авария на шоссе, бесформенная куча наехавших друг на друга машин; дерево упало и разбило крышу дома; злобно посверкивающий клубок электропроводов, которые обледенели и оборвались под собственной тяжестью; ряд прикованных к земле, покрытых снежной кашей самолетов на взлетном поле аэропорта; огромный грузовик лежит на боку — опрокинувшись, он сложился пополам, как перочинный нож, из него идет дым. Уже подъехали пожарные и «Скорая помощь», кругом суетятся люди в непромокаемых костюмах спецслужб: кто-то ранен, и у зрителей самопроизвольно учащается пульс. Затем на экране появляется полицейский, усы у него седые от кристалликов льда; он строго умоляет насе-

ление оставаться дома. «Это не шутка, — сообщает он слушателям. — Не вздумайте бросать вызов стихиям!» Сдвинутые заснеженные брови суровы и благородны, как на плакатах военной поры, призывающих покупать облигации займа победы. Констанция их помнит. Или ей только так кажется. Возможно, она помнит репродукции в учебниках истории, экспонаты в музеях, кадры из документальных фильмов. Иногда очень трудно правильно определить источник воспоминаний.

Наконец телевизор начинает бить на жалость: показывают полузамерзшего бродячего пса, завернутого в детское розовое одеяльце. Конечно, обледеневший младенец был бы лучше, но, раз его нет, сойдет и пес. Молодые репортеры изображают лицом «ми-ми-ми»; девушка гладит собаку, а та слабо дергает мокрым свалевшимся хвостом. «Ему повезло», — говорит юноша-репортер. На самом деле он подразумевает: «Будете плохо себя вести — окажетесь на его месте, только вас никто спасти не сможет». Юноша поворачивается к камере и делает серьезное лицо, хотя ясно видно, что он получает от всего этого огромное удовольствие. Он говорит, что будет еще хуже, потому что огромный снежный фронт сюда еще даже не дошел! В Чикаго положение гораздо серьезней! (Как всегда, впрочем.) Оставайтесь с нами!

Констанция выключает телевизор. Идет на другой конец комнаты, приглушает свет ламп, потом садится у фасадного окна, вглядываясь в освещенную фонарями уличную темноту и наблюдая, как мир превращается в гору бриллиантов — ветки деревьев, крыши, электропровода. Все сверкает и переливается.

— Альфляндия, — произносит она вслух.

«Тебе понадобится соль», — говорит Эван прямо ей в ухо. Когда он впервые заговорил с ней, она вздрогнула от испуга — к тому времени Эвана уже четыре дня нельзя было назвать живым. Но теперь она спокойней относится к его появлениям, хоть он и непредсказуем. Она рада слышать его голос, хотя беседа с ним обычно не клеится и идет в одну сторону: он говорит, Констанция отвечает, но он нечасто реагирует на ее ответы. Впрочем, их общение и раньше складывалось примерно так же.

После всего Констанция не знала, что делать с его одеждой. Сперва она решила оставить ее в гардеробной как есть, но каждый раз очень расстраивалась, открывая дверь и видя пиджаки и костюмы на вешалках. Они словно ждали, чтобы тело Эвана скользнуло в них и повело прогуляться. Твидовые костюмы, шерстяные свитера, клетчатые рубашки... Констанция не смогла отдать их бедным, что было бы единственным разумным вариантом. Выбросить тоже не смогла; во-первых, это расточительство, а во-вторых — как-то слишком резко, будто срываешь повязку, присохшую к ране. Поэтому все вещи, аккуратно сложенные и пересыпанные нафталином, отправились на третий этаж в сундук.

Днем еще ничего. Эван, кажется, не возражает. Голос — когда ему удастся пробиться наружу — тверд и бодр. Повелительный, указующий. Голос с выставленным указательным пальцем. Поди туда, купи это, сделай то! Слегка насмешливый, поддразнивающий, небрежный. До болезни он часто обращался с ней в таком духе.

Ночами, однако, все становится сложнее. Одно время ей снились дурные сны: рыдания из сундука, скорбные жалобы, мольбы выпустить. Незнакомые мужчины у двери — вроде бы они обещали оказаться Эваном, но обещаний не держали. От них исходила явная угроза. Черные тренчи. Невнятные требования — Констанция не могла понять, чего они хотят, или, хуже того, они хотели, чтобы их пустили к Эвану, силой оттирали ее от двери, явно желая крови. «Эвана нет дома», — умоляюще восклицала она, несмотря на приглушенные крики из сундука на третьем этаже. Пришельцы топали вверх по лестнице, и Констанция просыпалась.

Она подумывала, не начать ли принимать снотворное, хотя знала, что это ведет к привыканию и в итоге к бессоннице. Может, лучше продать дом и купить квартиру в кондоминиуме. На этом в свое время настаивали мальчики (которые уже давно не мальчики и живут в Новой Зеландии и Франции соответственно, в удобном отдалении, позволяющем не навещать мать слишком часто). Мальчиков с флангов поддерживали жены — деловитые, но тактичные, преуспевающие в своих профессиях (пластический хирург и сертифицированный бухгалтер), так что выходило четверо на одного. Но Констанция проявила твердость. Она не могла бросить дом. Ведь здесь Эван. Но ей хватило смекалки не говорить о нем. Впрочем, они и без того считали ее слегка двинутой, из-за Альфляндии. (Хотя как только предприятия подобного рода начинают приносить деньги, исходящий от них запашок безумия мгновенно улетучивается.)

«Кондоминиум» — это эвфемизм. На самом деле речь идет о резиденции для престарелых. Констанция не в обиде на мальчиков: они хотят как ей лучше, а не просто как им самим удобнее. И, конечно, их напугал беспорядок, это естественно. Беспорядок как внутри самой Констанции — в чем-то понятный, ведь она только что овдовела, — так и в доме, в частности в холодильнике. В этом холодильнике встречались предметы, не поддающиеся никакому рациональному объяснению. Она будто слышала мысли сыновей и невесток: «Боже, ну и помойка! Сплошной ботулизм. Счастье, что она не отравилась насмерть». Но, конечно, она не отравилась, потому что в последние дни перед тем почти ничего не ела. Крекеры, ломтики сырной пасты, арахисовое масло прямо из банки.

Невестки разбирали завалы, стараясь проявлять максимальную деликатность. «Вот это вам нужно? А это?» — «Нет, нет! — стонала Констанция. — Ничего из этого не нужно! Выбрасывайте всё!» Трех внуков — двух девочек и мальчика — послали, словно на охоту за спрятанными пасхальными яйцами, искать по дому недопитые чашки с какао и чаем. Констанция бросала их там и сям, и они уже успели покрыться пушистыми бледно-серыми и бледно-зелеными шкурками в разных стадиях роста. «Маман, смотри! Я нашел еще одну!» — «Фу, какая гадость!» — «А где же дедушка?»

В резиденции для престарелых она хотя бы будет не одна. И еще, если она переедет, с нее снимется бремя, ответственность — ведь такой дом, как у нее, нужно содержать, следить за ним, зачем ей эта головная боль? Невестки подробно расписали пер-

спективу. Констанция сможет играть в бридж или скрэбл. Или нарды — по слухам, они опять входят в моду. Никакого перенапряжения или излишнего мозгового возбуждения. Спокойные коллективные игры.

«Не сейчас, — говорит Эван. — Пока не надо».

Констанция знает, что он ненастоящий. Она знает, что Эвана больше нет. Конечно, знает! У других недавно овдовевших тоже бывает такое. Это называется «слуховые галлюцинации». Она про это читала. Это нормально. Она не сумасшедшая.

«Ты не сумасшедшая», — утешает ее Эван. Он бывает очень нежен, когда думает, что она страдает.

Насчет соли он прав. Ей еще несколько дней назад следовало запастись чем-нибудь для посыпки льда, но она забыла, и если она и сейчас ничего не купит, то будет замурована в доме как пленница — к завтрашнему дню улица превратится в каток. Что, если лед продержится несколько дней? У нее может кончиться еда. Она станет очередной палочкой в статистике — старушка, жила замкнуто, переохлаждение, смерть от голода, — потому что, как еще раньше совершенно справедливо объяснил Эван, она не может питаться воздухом.

Придется рискнуть. Даже одного пакета соли хватит на крыльцо и тротуар перед домом, чтобы не покалечились ни прохожие, ни сама Констанция. Лучше всего пойти в мелочную лавочку на углу — это всего два квартала. Придется взять сумку на колесиках, потому что мешок с солью тяжелый. Машину в семье водил только Эван. У самой Констанции права недействительны уже несколько

десятков лет — она так углубилась в Альфляндию, что, по ее мнению, это слишком отвлекало бы ее за рулем. Альфляндия требует сосредоточенности. На посторонние мелочи типа знаков «стоп» внимания уже не хватает.

На улице, судя по всему, очень скользко. Устроив экспедицию наружу, можно сломать шею. Констанция стоит на кухне, размышляя.

— Эван, что мне делать? — спрашивает она.

«Возьми себя в руки», — твердо отвечает Эван. Не слишком информативно, но он всегда так отвечал на ее вопросы, когда хотел оставить себе пространство для маневра. «Где ты был, я так беспокоилась — думала даже, что ты в аварию попал?» — «Возьми себя в руки». — «Ты меня по правде любишь?» — «Возьми себя в руки». — «У тебя что, любовница?»

Порывшись на кухне, Констанция находит большой полиэтиленовый пакет с застежкой. Вытряхивает оттуда три ссохшиеся усаые морковки и латунным совочком собирает в пакет золу из камина. Она не топила камин с тех пор, как Эван покинул видимый мир — ей казалось, что это будет неправильно. Разведение огня — акт обновления, начала, а она не хочет ничего начинать. Она хочет продолжать. Точнее, она хочет вернуться в прошлое.

У камина еще лежат охапка дров и лучина для растопки. И на решетке внутри два недогоревших полена — с того вечера, когда они в последний раз были у камина вдвоем. Эван лежал на диване со стаканом своей шоколадной питательной гадости; он был лысый после «химии» и лучевой терапии.

Констанция подоткнула вокруг него плед, села рядом и взяла его за руку. Молчаливые слезы катились по щекам, и она отвернулась, чтобы Эван не видел. Нечего его расстраивать своим расстройством.

— Как хорошо, — проговорил он. С трудом, голос тонкий, словно исхудал, как и он сам. Но теперь у него голос совсем не такой. Теперь — нормальный, как раньше. Как двадцать лет назад — низкий, раскатистый, особенно когда он смеется.

Она надевает пальто и сапоги, отыскивает ватрежки и вязаную шапку. Деньги, ей понадобятся деньги. Ключи от дома — очень глупо будет выйти, захлопнуть дверь и превратиться в сосульку на собственном крыльце. Она подходит к двери, таща за собой сумку на колесиках, и тут Эван говорит: «Возьми фонарик», так что она взбирается по лестнице на второй этаж, в спальню, не снимая сапог. Фонарик лежит на тумбочке с его стороны кровати. Констанция сует фонарик в сумку. Эван такой предусмотрительный. Сама она никогда не подумала бы про фонарик. Ступеньки переднего крыльца уже превратились в каток. Она сыплет на них золу из пакета, сует пакет в карман и спускается бочком, по-крабьи, по ступеньке за раз, держась одной рукой за перила, а другой волоча сумку на колесиках, стук-стук-стук. Оказавшись на тротуаре, она раскрывает зонтик, но с ним неудобно — не управиться с двумя предметами сразу, — и она снова закрывает его. Будет на него опираться, как на трость. Она мелкими шажками выползает на проезжую часть — там меньше льда, чем на тротуарах, — и пробирается по самой середине, помогая себе зонтиком. Машин на улице нет, так что ее хотя бы никто не переедет.

Особенно скользкие места на дороге она высыпает золой из пакета, оставляя за собой едва заметный темный след. По нему можно вернуться домой, если будет совсем плохо. Словно эпизод из Альфляндии — темная дорожка золы, загадочная, манящая, как белые камушки или хлебные крошки в лесу... только в этой золе должно быть что-нибудь особенное. Что-то такое, что обязательно нужно знать, какое-нибудь волшебное слово или заклинание, которое надо произнести, чтобы сдержать ее — без сомнения, зловредную — силу. Только там не должно быть слова «прах» — ничего такого, что напоминало бы о похоронах и последних почестях. Что-нибудь руническое.

— Зола, сожгла, дотла, смогла, дела, — произносит Констанция вслух, осторожно ступая по льду. Зола много с чем рифмуется. Нужно ввести эту золу в сюжетную линию, точнее — одну из сюжетных линий: их в Альфляндии много. Скорее всего, зловредная зола как-то связана с Милзретом Красной Рукой, хитроумным и злобным садистом. Он любит наводить на путников дурманящие видения, сманивать их с истинного пути и запирает в железные клетки, а потом терзать, спуская на них мохнатых хэнков-дьяволят, цианоринов, огнепигблей и прочих тварей. А сам с наслаждением смотрит, как одежды пленников — шелковые халаты, расшитые одеяния, подбитые мехом плащи, блестящие покрывала — превращаются в клочья, и как сами пленники умоляют о пощаде, корчась так, что приятно глазу. Она займется этим, как вернется домой.

У Милзрета лицо ее давнего начальника — из той поры, когда она работала официанткой. Он

любил шлепать подчиненных ему женщин по попе. Интересно, читает ли он «Альфляндию»?

Она уже прошла один из двух кварталов. Все же эта вылазка была не самой удачной идеей — лицо мокрое, руки заледенели, и талая вода стекает за шиворот. Но раз уж вышла, нужно довести дело до конца. Она вдыхает холодный воздух. По лицу хлещут ледяные зерна. Ветер крепнет, как и обещали по телевизору. Но все же, когда пробиваешься через бурю, в этом есть что-то бодрящее, придающее сил. Ветер сметает с мозгов паутину, и дышишь полной грудью.

Мелочная лавочка на углу работает круглосуточно — Эван с Констанцией оценили это по достоинству еще двадцать лет назад, когда сюда переехали. Однако штабеля мешков с солью у наружной стены, где они обычно хранятся, нет. Констанция входит в магазин, таща за собой сумку.

— А соли нет? — спрашивает она у женщины, стоящей за прилавком. Этой она раньше не видела. Продавцы в магазине все время меняются. Эван говорил, что магазин наверняка ненастоящий и служит для отмывания денег, потому что не может он приносить прибыль, судя по тому, как мало тут покупателей и в каком состоянии зелень на прилавке.

— Нет, милочка, — отвечает продавщица. — Уже все расхватали. «Будь готов», видно, такой у них девиз.

Это намек на то, что Констанция не подготовилась должным образом. Все верно. Она всю жизнь такая — никогда ни к чему не бывает готова. Но как удивляться миру, если заранее ко всему готовиться? Как подготовиться к закату? К восходу луны?